

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «КОГНИТИВНОЕ» – «РИТУАЛЬНОЕ»

В.Ю. Васечко

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук.
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Софии Ковалевской, 16.

В статье рассматривается социокультурная ситуация, в которой оказывается индивид, профессионально занимающийся естественно-научными и математическими проблемами в политарном обществе, более известном как древние и средневековые восточные деспотии (Древние Египет и Вавилон, Индия и Китай, арабо-мусульманский мир и др.). Главное внимание уделено сложным и конфликтным взаимоотношениям учёных, стремящихся к раскрытию тайн природы, и клира, имеющего целью поставить под полный контроль процесс и результаты всякой когнитивной деятельности. Иерократическое сословие допускает исследовательскую работу только в тех пределах, которые необходимы для упрочения его властных прерогатив и полномочий.

Конфликт этих двух когнитивных трендов во многом определяет общий характер и особенности протекания научно-познавательной деятельности в рассматриваемых социумах. Существующая сакральная картина мира полагается неизменной и совершенной, требующей лишь второстепенных уточнений и конкретизаций. При этом ритуалы, совершаемые служителями культа, позиционируются как необходимое условие сохранения природного и социального миропорядка.

Напротив, суверенный научный дискурс предполагает право учёного на свободный пересмотр существующих представлений как о мире в целом, так и об отдельных деталях его устройства и эволюции. Соответственно, исполнение ритуальных действий в формируемой работой учёных картине мира не может играть существенной роли. Закономерности, обнаруживаемые в природных процессах, оказываются независимыми от действий, совершаемых теми или иными людьми, включая сакральные обряды как рядовых, так и весьма высокопоставленных лиц духовного звания.

Протонаучные концепции мироздания и отдельные следствия из них трактуются иерократией как богопротивные и еретические. За неимением адекватных эмпирических аргументов жрецы и теологи вынуждены прибегать в борьбе со свободомыслием учёных к «аргументам» силового характера. Но учёные при благоприятных условиях могут достаточно успешно противостоять этому давлению и продолжать свою профессиональную работу.

Ключевые слова: традиционная наука, эпистемологический дискурс, учёный, иерократия, политарное общество, культ, ритуал, Ибн Сина, Бируни, Омар Хайям.

Анализ закономерностей, которым подчиняется естественнонаучный дискурс в политарном обществе (известном также как «азиатский способ производства», «восточная деспотия», «олимпийская культура» и др.)¹ представляет немалый теоретический интерес. Выявление многообразных факторов, определявших характер и специфику эпистемологического процесса на протяжении многих веков и даже тысячелетий, нередко даёт возможность иначе взглянуть на те проблемы, с которыми сталкивается наука вплоть до сегодняшнего дня².

Противостояние между учёными, самоотверженно и бескорыстно пытающимися проникнуть в тайны Природы, Космоса, Вселенной, и клерикалами, пребывающими в уверенности, будто только им могут быть открыты все эти тайны, проходит красной нитью через все века политаризма, а его рецидивы продолжают давать себя знать до сих пор. Один из способов понимания смысла этого конфликта – выявление полярных, антонимичных философских концептов, каждый из которых явно/неявно полагается данной стороной в качестве безусловной, абсолютной ценности, определяющей генеральное направление принятого и развёртываемого ею дискурса.

Жизненная установка, предполагающая познание Истины в качестве самоценного и самоцельного мотива деятельности, редко когда и мало кем рассматривалась как достаточное оправ-

дание в глазах окружающих тех лиц, которые её принимали и разделяли. Если мы ограничим наше рассмотрение традиционной науки в политарных социумах знанием, имеющим предметом установление истинного устройства и закономерностей развития Природы, то есть *естество* знанием (вкуче с *математическими науками*, без которых оно немислимо), и будем понимать под наукой прежде всего *деятельность* по открыванию ещё неоткрытого и познанию ещё непознанного, то процент истинных учёных окажется мизерным. Подавляющее большинство людей, имеющих отношение к науке, предпочитает твёрдую почву того, что более или менее апробировано и общепризнано, оставляя рискованное дело поиска действительно нового знания немногим отчаянным одиночкам.

Если воспользоваться устоявшейся в философии науки оппозицией «интернализм – экстернализм», то очевидно, что реально двигают естествознание вперёд именно «интерналисты», те, кто находится на переднем крае, кто лучше и яснее других видит пробелы в комплексе наличного знания, кто способен осознать и корректно сформулировать имеющиеся когнитивные научные проблемы и непосредственно ориентирован на их решение. С точки зрения интерналистов, любая экстерналистская мотивация типа «благо государства», «облегчение жизни простого народа», «ещё одно доказательство превосходства нашей истинной веры», а то и банальные «хочу прославиться!» или

¹ Термин «политарное общество» мы заимствуем из работ видного отечественного обществоведа Ю.И. Семёнова, объединённых в сборнике его статей [Семенов, 2011]. Там же мы находим и детализированную терминологию, берущую за основу указанное словосочетание; политаризм – весь данный общественный строй в его целокупности, *политаристы* – представители господствующего и приближенного к рычагам власти класса, *политократия* – весь этот класс совокупно, *политарх* – абсолютный правитель, глава класса политаристов и т.д. [Семёнов, 2011: 52–58].

² В данной статье мы продолжаем развивать идеи, уже представленные ранее в других работах: [Васечко, 2017а], [Васечко, 2017б], [Васечко, 2018].

«хочу разбогатеть!» вторичны, привходящи, непоследовательны, да и по сути своей порочны.

Бируни предупреждает своих читателей, среди которых надеется встретить искренних «искателей истины и любителей мудрости», что, приступая к исследованию, «предварительно необходимо очистить свою душу от [дурных] свойств. Они портят большинство людей, и от причин, делающих человека слепым для истины, то есть от укоренившихся привычек, пристрастия, соперничества, покорности страстям, борьбы за власть и тому подобного» [Бируни, 1957: 11].

Его не менее знаменитый современник Ибн Сина весьма критически отзываясь о «многих людях науки», которые боязливо избегают по-настоящему трудных, но в действительности самых главных для познания вещей, и которые ограничиваются пережевыванием вопросов элементарных, не требующих умственного напряжения, хотя и производящих впечатление на неучёную публику. «Мы же надеемся пойти по другому пути», и далее пишет, что имеет в виду не одного себя, но и подлинных своих единомышленников [цитируется по: Эбрахими, 2010].

Веком позже Омар Хайям ещё резче отзываясь об учёных такого типа: это – те, «кто хвастлив, тщеславен и бессилён, ибо тщеславие – достояние низкого. Поистине их души не вмещают ничего, кроме разве лишь понимания чего-нибудь незначительного из наук. Однако, когда они постигают это, им кажется, что это количество и есть то, что заключают в себе науки и что составляет их» [Омар Хайям, 1963: 450-451]. А ещё век спустя Ибн Рушд, демонстрируя читателям многочисленные передержки, софизмы и явные логические противоречия в аргументации своего антагониста аль-Газали, замечает: «Похоже, он просто хотел угодить своим современникам, но так не поступают те, кто действительно стремится постигнуть истину» [Аверроэс (Ибн Рушд), 1999: 27].

«Угождение современникам», то есть подчинение существующей на данный момент и в данном месте конъюнктуре,

к этому, если разобраться, будет сводиться любая экстерналистская мотивация. Но, поскольку современников этих всегда много, а интересы у них очень разные, порой изменчивые и часто взаимоисключающие, постольку ориентация не на их удовлетворение, а на нечто более основательное, постоянное и сверхценное, выглядит (во всяком случае, в глазах самого учёного) вполне убедительной. Другое дело, что игнорировать мнения, суждения и предрассудки своих непросвещённых собратьев он может лишь до поры до времени.

И одним из самых мощных факторов, с которыми вынужден считаться стремящийся к свободному познанию и исследованию индивид, – это мнения, суждения и предрассудки *религиозного характера*. В любой модели политарного социума ему приходится действовать в условиях уже сформировавшейся *религиозной картины мира*, включающей в себя, разумеется, и картину природы, живой и неживой. По сути, эта картина играет роль *куновской парадигмы*: она определяет как те формы и методы когнитивной деятельности, которые считаются разрешёнными и даже (до известной степени) приветствуются, так и те, которые более или менее жёстко ретируются и табуируются.

У стоящего на страже традиционных политарных ценностей сословия (будь то каста брахманов в Индии, наделённые весьма солидными властными полномочиями конфуцианские интеллектуалы или мусульманские теологи – имамы, факихи, шейхи и др.) нет прямой заинтересованности в детализации, углублении и тем более пересмотре наличной картины мироустройства. Зато есть чёткое сознание того, что административно неконтролируемая поисковая деятельность разных самодеятельных энтузиастов чревата опасными открытиями, могущими в перспективе поставить под сомнение тот порядок жизни, с которым данная иерократия себя отождествляет. Отсюда та неприязнь и то недоверие, с которыми когорты священнослужителей относятся к тем, кто стремится просто изучать материальный мир, как он есть, и не подчи-

няется предвзятым догматическим суждениям, откуда бы они ни исходили³.

Стоит подчеркнуть, что частые трения и конфликты между самодержцами и иерократами иногда создавали благоприятную атмосферу для научного дискурса: оказавшись в немилости у одной из сторон, интеллектуал мог получить покровительство и поддержку (хотя бы временно) у другой. Например, Ибн Сина, Ибн Баджа и Омар Хайям, постоянно обвиняемые мусульманскими улемами, факихами и кадиями в нарушении норм шариата, находили, как правило, большее понимание и защиту у светских правителей – эмиров, султанов, ханов и шахов. И, напротив, даосские алхимики, обьявленные персонами нон грата при дворе императоров и конфуцианских вельмож, могли достаточно свободно продолжать свою работу под сенью многочисленных даосских монастырей, пользовавшихся внутренней автономией [Васильев, 2001:250-256, 275-278, 375; Торчинов, 1999: 110-116, 357-360, 378-383].

Рассмотрим один из пунктов, где конфликт между противоположными установками (научно-рационалистической и клерикально-охранительной) достигал наибольшего напряжения, выделив пару оппозиционных аксиологических концептов: *Когнитивное – Ритуальное*. Первый из них играет роль неявного, беспредпосылочного знания для тех, кто ставит во главу угла познание естественной реальности, как она есть. Второй же полагается в качестве безусловного, несомнящегося абсолюта теми, кто принимает существующую религиозную картину мира как самодостаточную и неизблемую данность, а в естественных и математических науках видит лишь нечто вторичное, функциональное, вспомогательное. За теоретической «борьбой» этих идей-

концептов скрывается реальная борьба между людьми с противоположным мировоззрением, равно как и конфликт поллярных социальных трендов.

Иерократическая элита, как и вся иерархия духовенства сверху донизу, в качестве одной из важнейших своих социальных функций полагает установление и поддержание эффективных контактов с миром бестелесных сущностей, как бы ни трактовался последний в данной конкретной религиозно-мифологической картине мироздания. Поэтому без регулярного и систематического совершения многообразнейших ритуалов, представляющих в глазах простодушных мирян необходимую часть общественной жизни, существование любого сословия служителей культа немислимо. Разумеется, степень личной веры в смысл и действенность религиозно-магических процедур имеет самую широкую амплитуду – от искреннего убеждения в реальности нематериальных адресатов до крайнего скепсиса в отношении их существования и даже полного их отрицания.

Но независимо от этого, будучи на публике и тем более в момент самого магического акта, священник обязан вести себя как хороший актёр, так, чтобы у окружающих не могло возникнуть и тени сомнения в важности совершаемой процедуры. А ценность и духовная сила её оказывается прямой функцией того ранга, который занимает данный актер в иерархии. Она неуклонно возрастает по мере перехода от низших степеней посвящения к высшим. И достигает максимума в тех обрядах, которые поручено отправлять первому лицу – типа херихеба (верховного жреца и распорядителя ритуальных церемоний в Древнем Египте) или китайского императора, поскольку тот являлся главой не только светской, но

³ Вот как обстоит дело, к примеру, в средневековом исламе: «По мнению большинства представителей ханифитского и ханбалитского мазхабов [богословско-юридические школы в исламе. – В.В.], любое стремление к профаническому знанию (в медицине, астрономии и т. д.) есть потенциальная и опасная предпосылка неверия, ибо истину ведаёт только Всемогущий Аллах. Если же человек утверждает, что он знает, тем самым он в той или иной степени противопоставляет себя Богу. Отсюда и их крайне отрицательное отношение к поискам ответов на многочисленные «как» и «почему»..., ибо это означало бы отказ от прямого и буквального истолкования Корана, где, как считает мусульманская теология, уже есть ответы на эти вопросы» [Султанов Ш., Султанов К., 2007: 147].

и духовной власти [Васильев, 2001: 379-382].

Поскольку ритуал – это не просто эмпирическое действие, а действие сугубой важности, он должен совершаться в строгом соответствии с некоторыми предписаниями. Поэтому в практике любой политарной иерократии мы обнаруживаем и, так сказать, когнитивную компоненту ритуала – те тексты, где точно прописывается, какие перемещения, телодвижения и манипуляции должны производить его участники, какие молитвы и магические формулы они должны произносить и т.д. И нам не покажется странным то, что указанные тексты не представляются на всеобщее обозрение, особенно когда речь идёт об архиереях, а, наоборот, по возможности скрываются от непосвящённых как:

- особая «таинственная книга искусства херихеба» [Лившиц, 1998: 220];
- Авеста, которую зороастрийские жрецы под страхом смерти запрещали читать непосвящённым;
- индийские Веды и Пураны, защищённые от внимания профанов привилегиями брахманской касты и запретом перевода их с санскрита на живые языки.

В любом случае когнитивная функция ритуала всегда остаётся подчинённой потребностям иерократии: здесь допускается только такое знание о природном и социальном мире, которое отвечает её представлениям об универсуме и о собственном её многозначительном месте в этом мире. Всякая неангажированная познавательная деятельность (каковой стремятся заниматься те, кого просто интересуют Природа и Космос сами по себе), как минимум, не приветствуется.

Тем не менее, обычно именно жреческая среда становится тем социокультурным ареалом, где появляется протонаучное знание, которое постепенно эмансипируется как от сакральных догм, так и от ритуальных установлений, превращаясь для определённой группы людей в самоцель и самооценность. Изучение сохранившихся текстов показывает, как интеллект понемногу освобождался от плена утилитаризма – не только быто-

вого, хозяйственного и технического, но и религиозного. Если в геометрических правилах измерения и построения жертвенных алтарей, которые присутствуют в Шульба-сутрах (VIII-V вв. до н. э.), преобладают запросы ритуальной практики, то к первым векам нашей эры индийские математики уже не связывают решаемые ими задачи с религиозным церемониалом [Володарский, 1977: 136-141].

Особенности ведийского стихосложения, используемого в брахманистском и индуистском культе, послужив протолчком к постановке комбинаторных проблем, в дальнейшем уже не играли здесь определяющей роли, а занятия комбинаторикой стали для учёных чистой игрой ума, приведя к разработке развитой математической теории [Володарский, 1977: 117-120]. «Косой час», применяемый в мусульманской молитве как единица измерения времени, равная $1/12$ светлого и темного времени суток и, естественно, меняющая свою длительность от одного дня к другому, в астрономии, которая по-настоящему возможна только как точная наука, уступает место «прямо-му часу». Его длительность равна $1/24$ суток и постоянна круглый год [Булгаков, Розенфельд, 1987: 312].

Благодаря совершенствованию вычислительной и инструментальной техники, непрерывному обогащению эмпирической базы и оттачиванию логических приёмов интеллект конструирует такую картину чувственно наблюдаемого мира, где степень точности исполнения ритуальных действий не играет заметной роли и где последние, вообще говоря, не являются необходимым элементом. В этом мире господствуют вечные и неизменные законы, бесконечно более мощные, чем силы кого-то из людей, и, самое главное, действующие безотносительно к тому, совершил ли некий индивид, пусть даже облечённый верховной религиозной властью, некоторую последовательность манипуляций и вербальных формул.

В этом мире Солнце восходит, совершает свой дневной путь по небу и уходит за горизонт вовсе не потому, что кто-то выполнил, как должно, требуемые цере-

монии. В этом мире небосвод не обрушивается за землю оттого, что кем-то совершено ужасное святотатство или, наоборот, не исполнена по недоразумению какая-то сакральная заповедь, а если здесь вдруг происходит нечто неожиданное, экстраординарное и даже катастрофическое, то лишь в силу рационально постижимых естественных причин. В этом мире, собственно, любой религиозный ритуал теряет смысл и оказывается нужным лишь тем, кто имеет в нём определённый земной интерес.

Чуткая интуиция наиболее продвинутых иерократов быстро улавливает обозначающиеся тренды и воспринимает возможные их последствия для своей корпорации весьма болезненно. Объектом их внимания становятся как «богопротивные», «нечестивые» и «еретические» теории с более или менее явно вытекающими из них следствиями, так и непосредственно те, кто их выдвигает и популяризирует. Конечно, сложно вести дискуссию в сугубо теоретической плоскости против того, что базируется на фактах и цифрах и что проверяется точными вычислениями и строгими логическими рассуждениями. Поэтому вместо когнитивно-научных аргументов используются силовые: нечестивца, самое малое, принуждают к исполнению обрядов, если у него не находится достаточно влиятельных заступников.

Известно, что Омару Хайяму на склоне лет пришлось совершить хадж в Мекку, чтобы хоть ненадолго успокоить мусульманских законников, возмущённых, правда, не столько его достаточно осторожными и лояльными к исламу научными трактатами, сколько стихами, в которых великий учёный не скрывал своего личного негативного отношения к религии. И не в последнюю очередь, к исламской обрядности [Розенфельд, Юшкевич: 1965: 169-170; Султанов Ш., Султанов К., 2007: 220-225]. Понятно, что такого рода компромисс может быть лишь временным и не даёт полного морального удовлетворения ни честным, принципиальным учёным, ни благочестивым иерархам.

Впрочем, даже в тех случаях, когда серьёзный учёный в повседневной жизни не выказывает непочтения к официальному церемониалу и, подобно Ибн Сине, рассматривает его как аскетическую практику, пытаясь разглядеть за ним некий духовный пласт, что редко делает его жизнь легче и свободнее. В одном из последних своих сочинений («Указания и наставления») Абу Али, критикуя показное и лицемерное благочестие, указывает на разницу между формально-меркантильным и содержательно, когнитивно подкреплённым ритуальным поведением: «Исполнение обрядов у того, кто не обладает знанием, подобно сделке – он словно поступает в этой жизни так, чтобы получить пользу на том свете, – это будет для него платой и вознаграждением. А для знающего всё это есть упражнение для ума и силы воображения, таящейся у него в душе... так, что познание истины, которое вначале временно, становится постоянным» [Шидфар, 1981: 179].

Однако такой вариант может дать субъекту познания лишь внутреннее спокойствие и уверенность в правильности избранного пути, но вряд ли способен кардинально переломить отношение к нему радетелей ритуальной Истины – подозрительное, высокомерное, часто агрессивное и очень редко толерантное. Стоит заметить, что негативно-скептическое отношение к ритуальным предписаниям может быть присуще не только интеллектуалам, занятым разгадками тайн онтической реальности, но и гораздо более широкому кругу образованных людей. Начиная с египетской «Песни арфиста», которая, по словам М.А. Коростовцева, была «как бы факультативным дополнением к загробному ритуалу, по существу начисто его отрицая» [Коростовцев, 1983: 68], в самых разных восточных культурах мы обнаруживаем аналогичные вызовы. Если в Ведах на первом плане – точное, безошибочное исполнение ритуала, произнесение сложных магических заклинаний, то в следующих за ними Упанишадах в центре внимания – уже *смысл, знание, понимание* того, что человек делает и что делают с ним: «пути

действия» Упанишады противопоставляют «путь знания» [Васечко, Пургин, 2017: 35-36].

Суфии, даже исполняя общеизвестные и общепринятые мусульманские заповеди, постоянно подчёркивают, что сами по себе эти процедуры, без понимания их субъектом и объектом действия, мало что дают. «Пяти столпам ислама» они дают такую интерпретацию, после которой становится ясно, что мыслящий человек вполне может обойтись и без них, причем не станет от этого менее правдивым [Васечко, Пургин, 2017: 180-183].

Так что когнитивное освобождение от пут религиозного ритуализма может происходить разными путями, которые, в сущности, вовсе не исключают друг друга и вполне могут успешно сочетаться в сознании одной и той же личности. Интерес к окружающему внешнему миру с желанием постичь законы, которые им управляют, и такой же интерес к внутреннему миру собственного Я могут даже резонировать и усиливать друг друга, ибо оба являются формами познавательной активности человека и, различаясь

по объекту, часто пользуются сходными и даже одними и теми же методами. И антиподы у них обоих, собственно, тоже общие, и к числу их относится превозносимый иерократами наличный конфессиональный культ, ставящий ритуальную форму выше содержания, а действие – выше смысла, во имя которого оно совершается. Научное и художественное творчество Ибн Сины и Омара Хайяма – наглядное тому подтверждение.

Итак, иерократия, как звено в структуре государственной власти и социального управления политарных социумов, претендует на монополию в обладании Истиной, в формировании и сохранении общепринятой в данной культуре картины мира и потому не склонна содействовать попыткам её обновления и реформирования. Однако учёное сообщество при благоприятных условиях способно успешно противостоять жёсткому иерократическому давлению и решать все более сложные когнитивные задачи, которые составят впоследствии историю отдельных естественнонаучных и математических дисциплин.

Список литературы:

- Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. К.: УЦИИМ-Пресс; СПб.: Алетейя, 1999. 688 с.
- Бируни А.Р. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т.1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 488 с.
- Булгаков П.Б., Розенфельд Б.А. Комментарии к трактату «Обособление речи о проблемах теней» // Бируни А.Р. Избранные произведения. Т.VII. Ташкент: Фан, 1987. С. 286-326.
- Васечко В.Ю. Учёный в политарном обществе: альтернативы нравственного выбора // *Virtus. Scientific Journal*. November. 2017a. Вып. 18. С. 15-21.
- Васечко В.Ю. Учёный в политарном социуме: сопряжённость профессионального и смысложизненного дискурса // *Дискурс Пи. Научный журнал*. 2017б. №2 (27). С. 48-57.
- Васечко В.Ю. «Онтика» и «онтология»: естественнонаучный дискурс против иерократического прессинга в политарном обществе // *Virtus. Scientific Journal*. September.2018. Вып. 26. С. 17-20.
- Васечко В.Ю., Пургин С.П. Древняя и средневековая восточная философия. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2017. 196 с.
- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. - 2-е изд. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
- Володарский А.И. Очерки истории средневековой индийской математики. М.: Наука, 1977. 184 с.
- Коростовцев М.А. Литература Древнего Египта // История всемирной литературы: В 9 тт. Т.1. М.: Наука, 1983. С. 54-82.

- Лившиц И. Царь Хеопс и волшебники // Сказки Древнего Египта. М.: Алетей, 1998. С. 217-234.
- Омар Хайям. Первый алгебраический трактат // Историко-математические исследования. Вып. XV. М.: Физматгиз, 1963. С. 445-472.
- Розенфельд Б.А., Юшкевич А.П. Омар Хайям. М.: Наука, 1965. 192 с.
- Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. - 2-е изд., перераб. и доп. М.:УРСС, 2011. 376 с.
- Султанов Ш.З., Султанов К.З. Омар Хайям. М.: Молодая гвардия, 2007. 320 с.
- Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиозного описания. СПб.: Лань, 1998. 448 с.
- Шидфар Б.Я. Ибн Сина. М.: Гл. ред. вост. лит. «Наука», 1981. 184 с.
- Эбрахими Т.А. И геолог, и алхимик ... [Электронный ресурс] // Загадки старой Персии. М.: Вече, 2010. URL: <http://rulibs.com> (дата обращения: 05.06.2018).

Об авторе:

Васечко Вячеслав Юрьевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 16 Софии Ковалевской ул., Екатеринбург, 620990, Россия.

EPISTEMOLOGICAL DISCOURSE IN POLITARY SOCIETY: THE CONCEPTUAL OPPOSITION «THE COGNITIVE» – «THE RITUAL»

V.Y. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16 Sofii Kovalevsky Street, Ekaterinburg, 620990, Russia.

Abstracts. *The article describes the socio-cultural situation in which the individual professionally working on scientific and mathematical problems turns out in politary society (ancient Egypt and Babylon, India and China, medieval Arab-Muslim world, etc.). It focuses on the complex relationship between scientists seeking to uncover the mysteries of nature, and the clergy whose aim is complete control of the process and results of any cognitive activities. Hierocratic estate allows research only to the extent that is necessary for the consolidation of its prerogatives and powers. The conflict of these two cognitive trends largely determines the general character and peculiarities of scientific-cognitive activity in these societies. Existing sacral picture of the world is considered as a firm and perfect one, requiring only minor refinements and specifications. While rituals, committed by clergy, positioned as a necessary condition for the preservation of the natural and social world order. On the contrary, sovereign scientific discourse implies that scientist has a right on free revision of existing views as about the world in general and about specific details of its devices and evolution. The scientist also should not be restricted in finding and applying specific means and methods of cognition of truth. Accordingly, the performance of rituals cannot play a significant role in the picture of the world which is created by scholar's work. Patterns found in the natural processes are independent from actions committed by various people, including the sacred ceremonies of both ordinary and very senior individuals of spiritual title. Proto-scientific concepts of the universe and particular consequents from them are treated by hierocracyas godless and heretical. In the absence of adequate empirical and theoretical arguments, priests and theologians have to resort in struggle against scholar's freethinking to force "arguments". But scientists under favorable conditions can successfully resist this pressure and continue their professional work.*

Key words: *Traditional science, politary society, epistemological discourse, scholar, hierocracy, cult, the cognitive, the ritual, Ibn Sina, Biruni, Omar Khayyam.*

References:

Averroes (Ibn Rushd). *Oproverzhenie oproverzheniia* [Incoherence of the Incoherence]. Kiyev, UTsIIM-Press; Saint-Petersburg, Aletyya, 1999. 688 p. (In Russian).

Biruni A.R. Pamiatniki minuvshikh pokolenii [The Remaining Signs of Past Centuries]. *Izbrannye proizvedeniia. T. I.* [Selected works. Vol. I.]. Tashkent, Publishing house of UzSSR, 1957. 488 p. (In Russian).

Bulgakov P.B., Rozenfel'd B.A. Kommentarii k traktatu «Obosoblenie rechi o problemakh tenei» [Commentary on tractate «Separation of speech about the problems of shadows»]. *Beruni A.R. Izbrannye proizvedeniia. T.VII* [Beruni A. R. Selected works. T. VII]. Tashkent, Fan, 1987. pp. 286-326 (In Russian).

Vasechko V.Iu. Uchenyi v politarnom obshchestve: al'ternativy nrvastvennogo vybora [Scientist in the politary society: the alternatives of moral choice]. *Virtus. Scientific Journal. November, 2017a, Issue. 18*, pp. 15-21 (In Russian).

Vasechko V.Iu. Uchenyi v politarnom sotsiуме: sopriazhennost' professional'nogo i smyslozhiznennogo diskursa [Scientist in the politary society: relationship between professional and meaning-of-life discourse]. *Diskurs Pi. Nauchnyi zhurnal - Discourse Pi. Scientific journal, 2017b, no. 2 (27)*, pp. 48-57 (In Russian).

Vasechko V.Iu. «Ontika» i «ontologiya»: estestvennonauchnyi diskurs protiv ierokraticeskogo pressinga v politarnom obshchestve [«Optics» and «ontology»: scientific discourse against hierocratic pressure in politary society]. *Virtus. Scientific Journal. September, 2018, Issue 26*, pp. 17-20 (In Russian).

Vasechko V.Iu., Purgin S.P. *Drevniaia i srednevekovaia vostochnaia filosofiia* [Ancient and medieval Eastern philosophy]. Ekaterinburg, Publishing House of Ural University, 2017. 196 p. (In Russian).

Vasil'ev L.S. *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. - 2-e izd.* [Cults, religions, traditions in China - 2nd ed.]. Moscow, Publishing company «Eastern literature» RAS, 2001. 488 p. (In Russian).

Volodarskii A.I. *Ocherki istorii srednevekovoi indijskoi matematiki* [Essays on the history of medieval Indian mathematics]. Moscow, Science, 1977. 184 p. (In Russian).

Korostovtsev M.A. Literatura Drevnego Egipta [The Literature Of Ancient Egypt]. *Istoriia vseмирnoi literatury: V 9 tt. T.1.* [The history of the world literature in 9 volumes vol. 1]. Moscow, Science, 1983. pp. 54-82 (In Russian).

Livshits I. Tsar' Kheops i volshebnykh [King Cheops and the magicians]. [Tales of Ancient Egypt]. *Skazki Drevnego Egipta* [Tales of Ancient Egypt]. Moscow, Aletya, 1998. pp. 217-234 (In Russian).

Omar Khaiyam. Pervyi algebraicheskii traktat [The first algebraic treatise]. *Istorko-matematichesk- ie issledovaniia. Vyp. XV* [Historical and mathematical studies. Issue. XV]. Moscow, Fizmatgiz, 1963. pp. 445-472 (In Russian).

Rozenfel'd B.A., Iushkevich A.P. *Omar Khaiyam* [Omar Khayyam]. Moscow, Science, 1965. 192 p. (In Russian).

Semenov Iu.I. *Politarnyi («aziatski») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. - 2-e izd., pererab. i dop.* [Political («Asian») method of production: the essence and place in the history of mankind and Russia. - 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, URSS, 2011. 376 p. (In Russian).

Sultanov Sh.Z., Sultanov K.Z. *Omar Khaiyam* [Omar Khayyam]. Moscow, Young guard, 2007. 320 p. (In Russian).

Torchinov E.A. *Daosizm: Opyt istoriko-religioznogo opisaniia* [Taoism: The experience of the historical-religious descriptions]. Saint-Petersburg, LAN', 1998. 448 p. (In Russian).

Shidfar B.Ia. *Ibn Sina* [Ibn Sina]. Moscow, Home edition Oriental literature, "Nauka", 1981. 1841981. 184 p. (In Russian).

Ebrakhimi T.A. I geolog, i alkhimik ... [And geologist, and alchemist ...]. *Zagadki staroi Persii* [Puzzles of old Persia]. Moscow, Veche, 2010. Available at: <http://rulibs.com>. (accessed 05 June 2018) (In Russian).

About the Author:

Vasechko Vyacheslav Yur'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor. Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16 Sofii Kovalevskoy Street, Ekaterinburg, 620990, Russia.